
Моя суровая пятилетка
АМАНДА АРЧЕР

Аманда Арчер

Моя суровая пятилетка

«Автор»
2026

Арчер А.

Моя суровая пятилетка / А. Арчер — «Автор», 2026

«Пятилетку — в три года!» — этот лозунг я сначала приняла за шутку. А потом меня назначили помощницей директора магической лесопилки, где эти слова — вопрос жизни и смерти. Без пятисот пар валенок не построят мост. Без моста — зимой отрежут от мира. Без нас — погибнет память о тех, кто сдержал Тьму. Я хотела учить их эффективности, но они научили меня главному: важен не план, а то, ради кого ты его выполняешь. И, кажется, я нашла того, ради кого готова выполнить даже самую безумную пятилетку…

© Арчер А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Валенки из Тьмы. Пятилетку — в три года! 5
Глава 2. Феи-бюрократы и субботник 10
Конец ознакомительного фрагмента. 12

Аманда Арчер
Моя суровая пятилетка

Глава 1. Валенки из Тьмы. Пятилетку — в три года!

Пробуждение было резким, болезненным и почему-то пахло столярным клеем.

— …а на морозе слабаком станешь, мороз-то, он силу не любит, — прогудел голос где-то над ухом. — Ты это, вставай, Алисия. Пятилетка ждать не будет.

Алиса хотела сказать, что её пятилетка закончилась в третьем классе, когда она сдала нормативы по лыжам на тройку, но язык не слушался. Веки тоже. Зато нос работал исправно: помимо клея он уловил ноты сырой шерсти, дешёвого табака и отчаянного энтузиазма людей, которые искренне верят, что утро начинается в шесть утра.

— Да она жива ли? — спросил другой голос, более скрипучий, словно его обладатель давно не смазывал суставы. — Может, у ней контузия от той вонючей жабы?

— Какая жаба, Семёныч? Тьма была, не жаба.

— А я говорю — жаба. Зелёная была, во-от такенная. Я её сам топором…

— Топором Тьму не возьмёшь, ты что, старый?

— А я и не Тьму, я жабу.

Алиса наконец-то разлепила глаза. Потолок оказался низким, тёмным, сложенным из брёвен, которые помнили ещё динозавров. Она лежала на чём-то, что притворялось кушеткой, но на самом деле было просто более плоским куском дерева. Справа от неё стояли двое.

Первый — высокий, угловатый, с руками, которые явно были сделаны не по стандартному чертежу человеческого тела. Его правая кисть выглядела как нормальная, а левая… левая представляла собой сложную конструкцию из металла, дерева и тускло мерцающих рун. Завершалась эта конструкция тремя крюками разного калибра. Сам он был одет в телогрейку, перетянутую командирской портупеей, а на голове имел шапку-ушанку, которая, судя по всему, не снималась даже во сне.

Второй был ниже, шире и больше напоминал коробку из-под рассады, которой приделали ноги. Его лицо скрывала густая борода, из которой торчал нос картошкой и маленькие, блестящие глазки. Телогрейка на нём была настолько промаслена, что могла бы служить бронёй от стрел.

— Где я? — сипло спросила Алиса. Собственный голос показался ей чужим.

— На лесопилке, — сказал высокий. — Приёмный пункт номер семь. Я — Захарин, директор. Это — Семёныч, старший мастер.

— А я… — Алиса хотела сказать «Алиса», но изо рта вылетело: — Алисия.

— Знаю, — кивнул Захарин. — Ты моя помощница. Третья за год. Предыдущие две уволились по причине несогласия с методами управления. Держись, Алисия. План горит.

С этими словами он развернулся и вышел из помещения, которое, как Алиса теперь заметила, было не спальней, а кабинетом. Кабинет был обставлен по принципу «всё лишнее — враг». Деревянный стол, деревянный стул, деревянная вешалка, деревянная доска, на которой висели какие-то бумаги. На столе лежала стопка документов, чернильница и кружка с мутной жидкостью.

— Выпей, — посоветовал Семёныч, кивая на кружку. — Взвар из шишек. Голову прочищает.

— Я не пью взвар из шишек.

— А зря. Прошлая твоя предшественница не пила, так её через неделю нервный тик скрутил. Она потом всё время левым глазом дёргала, когда слово «план» слышала. А тут слово «план» слышно постоянно.

Алиса осторожно взяла кружку. Жидкость пахла хвоей, чем-то жжёным и отдалённо напоминала растворимый кофе, который ей подавали в офисе, когда заканчивались нормальные запасы. Она сделала глоток.

Мир не взорвался. Голова действительно стала немного яснее.

— Слушай, Семёныч, — сказала она, ставя кружку. — А где я вообще? В смысле, в какой стране? Какой год?

Семёныч посмотрел на неё с сочувствием, которое бывает у людей, привыкших к тому, что начальство иногда слетает с катушек.

— Страна называется Рубежье. Год — от Тьмы пятый. Война кончилась пять лет назад, а ты, видать, шибко головой приложилась, когда вчера с лесовозки упала. Захарин тебя на руках принёс, думал, всё, конец помощнице. А ты выжила. Крепкая, видать.

— Вчера? — Алиса судорожно перебирала воспоминания. Никакой лесовозки. Никакого Рубежья. Последнее, что она помнила, — это собеседование на должность антикризисного управленца в одной эйчар-компании. Она рассказывала про agile-методологии, про то, как сократила отдел на сорок процентов и увеличила KPI на двадцать пять, и тут её затошнило. Наверное, отвращение к собственной презентации приняло метафизические формы.

— Так, — сказала она, вставая. Ноги держали с трудом, но держали. — Значит, я помощница директора лесопилки. Это временно. Мне нужно в столицу. Здесь есть столица?

— Есть. Рядом, километров триста.

— Триста? Это час езды на машине.

— На чём?

— На… неважно. А на чём здесь ездят?

— На ногах в основном. Ещё на лошадях. Но у нас лошадей нет, мы их в войну всех съели. А, есть ещё лесовозка, но она в лес ходит. В столицу раз в месяц оказия бывает, купеческая. С товаром.

Алиса глубоко вздохнула. Она представила, как месяц живёт на лесопилке, пьёт взвар из шишек и слушает про план. Её бунтарский дух, воспитанный на курсах «Эффективный менеджмент за два дня», вскипел.

— Семёныч, — сказала она. — А что тут вообще происходит? Почему план горит?

— А ты не помнишь? — Семёныч достал из кармана телогрейки кисет и начал неторопливо скручивать цигарку. — План у нас годовой. По пиломатериалам и валенкам. Если выполним — соседняя деревня, Заречье, построит мост через ущелье. А если не выполним — не построят. А мост нужен. Без него мы зимой как отрезанные.

— Какой ещё мост? — Алиса попыталась собрать разбегающиеся мысли. — Слушай, это какой-то бартер. Неэффективно. Зачем вам мост? Вы можете нанять строителей сами.

— На что? — спокойно спросил Семёныч. — Денег у нас нет. Лес есть. Валенки есть. А строителей нет. В Заречье строители есть, а леса у них нет. Вот и договорились: мы им пятьсот пар валенок и пиломатериал, они нам мост.

— Но это же… Это же феодализм какой-то! — возмутилась Алиса. — Надо оптимизировать процессы! Аутсорс! Сокращение издержек!

Семёныч затянулся, выпустил клуб дыма и философски заметил:

— Барышня, ты бы для начала до обеда дотерпела, а потом уже про оптимизацию. Пойдём, народ познакомлю.

Народ оказался собран на лесопилке, которая представляла собой набор бревенчатых строений, окружённых штабелями досок и горами опилок. В центре возвышалось главное здание — собственно лесопилка, где огромная пила, приводимая в движение магическим водя-

ным колесом, с визгом распиливала брёвна. Магия здесь чувствовалась — тяжёлая, пахнущая мокрым деревом и усталостью.

Рабочие, которых Алисе представили, все как один были похожи на Семёныча: коренастые, бородатые, в телогрейках и валенках. Некоторые были с магическими протезами — вместо рук или ног, заменяющих утраченные на войне конечности. Один дядька с протезом-топором вместо кисти ловко орудговал им, словно и не замечал неудобства.

— Это Кузьма, — показал Семёныч на мужичка, который сноровисто снимал кору с бревна. — Лучший работник. Кузьма, это новая помощница.

Кузьма поднял голову, окинул Алису взглядом, который явно оценивал её пригодность к труду, и заключил:

— Худовата. Прошлая покрупнее была.

— Зато говорливая, — усмехнулся Семёныч.

— Много говорить — не дрова рубить, — философски заметил Кузьма и вернулся к работе.

Алиса почувствовала, что её профессиональные навыки здесь котируются где-то на уровне декоративной капусты.

Вернувшись в кабинет, она застала Захарина склонившимся над картой. Он что-то чертил своим крюком, оставляя на бумаге глубокие борозды.

— Алисия, — сказал он, не поднимая головы. — Задача: до первого снега нам нужно заготовить три тысячи кубов леса и свалять пятьсот пар валенок. Сейчас у нас темпы в два раза ниже необходимых. Твои предложения?

Алиса села на стул, который тут же попытался её выкинуть обратно, но она удержалась.

— Директор, — начала она, чувствуя, как внутри просыпается старый инстинкт антикризисного управленца. — Сначала нужно понять, где у нас узкие места. Проведём мозговой штурм.

Захарин поднял голову. Его лицо было суровым, с глубокими морщинами, которые, казалось, были прорезаны не временем, а горем. Глаза — тёмные, внимательные — смотрели с усталым терпением человека, который уже многое повидал и от многого устал.

— Что такое мозговой штурм? — спросил он.

— Это… — Алиса замялась, подбирая слова. — Это когда все собираются и высказывают идеи. Записывают их на стикеры. Потом мы их группируем и выбираем лучшие.

— Стикеры?

— Ну… маленькие листочки с клейким краем.

— А где мы их возьмём?

Алиса оглядела кабинет. Никаких стикеров, конечно, не было. Но она не была бы собой, если бы сдалась.

— Можно нарезать бумагу, — сказала она. — И… прилеплять чем-нибудь. Воском, например.

Захарин смотрел на неё долго, очень долго. Потом вздохнул.

— Делай. Но если это займёт больше часа рабочего времени, я лично скормлю твои стикеры лесным жабам.

— Какие жабы? — опешила Алиса.

— У нас тут жабы, — устало сказал Захарин. — Большие. Зелёные. Топором их не возьмёшь.

Он вернулся к карте, давая понять, что разговор окончен.

Алиса вышла в цех, чувствуя, как в груди разгорается праведный огонь реформатора. Она нашла бумагу, ножницы и кусок пчелиного воска. Народ с интересом наблюдал, как она нарезает ровные квадратики и мажет их воском с обратной стороны.

— Это что? — спросил Кузьма, отвлекаясь от бревна.

— Это стикеры, — объяснила Алиса. — Сейчас мы проведём мозговой штурм. Все соберутся и напишут на этих листочках свои идеи, как ускорить работу.

— А зачем писать? — удивился Кузьма. — Мы и так знаем, как ускорить.

— Ну так напишите!

— А если я писать не умею?

Алиса на мгновение зависла. Процент грамотности в Рубежье, видимо, оставлял желать лучшего.

— Тогда… скажете, а я напишу.

Собрать всех оказалось непросто. Люди, привыкшие к чёткому распорядку дня, не понимали, зачем им бросать работу и идти слушать, как кто-то что-то будет писать на клочках бумаги. Тем не менее, Семёныч, который, как выяснилось, обладал авторитетом, рявкнул пару раз, и народ подтянулся.

Мозговой штурм устроили прямо в цехе, на досках, которые предназначались для сушки. Алиса раздала стикеры, объяснила правила: никакой критики, любые идеи, даже самые безумные.

Первые пятнадцать минут прошли в полной тишине. Мужики сжимали в ладонях квадратики бумаги и смотрели на них с таким видом, будто им вручили боевое задание.

— Ну? — не выдержала Алиса. — Кто хочет начать?

— Я, — сказал Кузьма, поднимая руку. — Вот моя идея: взять и работать больше.

— Это… — Алиса замялась. — А можно конкретнее?

— Ну, больше работать. Вместо восьми часов — десять. Или двенадцать. Я могу и двенадцать, я сильный.

— Рабочий день увеличить нельзя, это нарушение трудового законодательства, — отрезала Алиса, хотя понятия не имела, есть ли здесь какое-то трудовое законодательство.

— А что, у нас есть закон? — удивился Семёныч.

— Должен быть. А если нет, то я его введу.

Мужики переглянулись. Кто-то хмыкнул.

— Девка-то боевая, — заметил Кузьма. — Ладно. Тогда вторая идея: давайте я буду валенки валять вместо того, чтобы лес пилить. Я и то, и другое умею.

— Неэффективно, — сказала Алиса. — Должна быть специализация. Каждый должен заниматься тем, что у него лучше получается.

— А что у меня лучше получается? — задумался Кузьма.

— Лес пилить, наверное.

— Ну да. Только валенки я тоже хорошо валяю. И сапоги могу. И тулуп сшить. И печь сложить.

— И всё это ты умеешь? — Алиса почувствовала, что её представление о разделении труда начинает трещать по швам.

— А то, — с гордостью сказал Кузьма. — Мы тут все такие. Война научила. Раньше-то каждый своё делал, а как пришла Тьма, выжил только тот, кто всё умел. Потому что мастер по валенкам остался без лесника, лесник без кузнеца, кузнец без плотника — и всё, деревня пропала. А мы выжили. Потому что каждый мог за другого стать.

Алиса хотела возразить, что это неэффективно — тратить время на обучение всем навыкам вместо углублённой специализации, но что-то в словах Кузьмы заставило её замолчать. Она посмотрела на мужиков. Они стояли перед ней — коренастые, в телогрейках, с руками, привыкшими к топору и игле, с лицами, которые помнили что-то такое, о чём они не говорили вслух. И в их глазах не было тупой покорности. Было спокойное, уверенное достоинство людей, которые уже пережили самое страшное и теперь просто делают то, что нужно.

— Ладно, — сказала она. — Стикеры. Кто ещё?

Идеи посыпались. Кто-то предлагал поставить вторую смену, кто-то — привлечь к работе женщин и детей, кто-то — попросить магов из столицы усилить водяное колесо. Алиса старательно всё записывала, чувствуя, как её стройная система упирается в реальность, которая была гораздо сложнее.

В конце концов, она развесила стикеры на большой деревянной доске, которую приспособила под флипчарт. Получилось пёстро и, как ей казалось, очень прогрессивно.

— Ну что? — спросила она, оглядывая собравшихся. — Группируем идеи по направлениям. Вот у нас блок «Организация труда», вот блок «Техническое оснащение», вот блок «Мотивация». Что скажете?

Мужики молчали. Потом один из них, дядька с протезом-крюком, осторожно сказал:

— А можно мы это… того… обратно пойдём? Работать?

— Но мы же ещё не закончили!

— Так работа стоит, — заметил Семёныч. — А план горит.

— Мы работаем над планом!

— Это не работа, — мягко сказал Кузьма. — Это… ну, как оно называется… — Он пошевелил пальцами, подбирая слово. — Баловство.

— Это не баловство! Это стратегическая сессия!

— Стратегическая сессия, — повторил Кузьма, и в его голосе прозвучало что-то похожее на уважение. — Ты, барышня, не обижайся. Только у нас свои методы. Мы по старинке: встали поутру, перекрестились, взяли топор — и до вечера. А эти… бумажки… они, конечно, красивые, но есть их нельзя, и в деле от них проку нет.

Он наклонился, аккуратно снял один стикер, повертел в руках и, к ужасу Алисы, сунул в рот.

— Воск, — сказал он, жуя. — Съедобно. Но не сытно.

Остальные мужики, посмеиваясь, последовали его примеру. Стикеры исчезали один за другим. Кто-то жевал их с сосредоточенным видом, кто-то просто комкал и выбрасывал. Через пять минут от стратегической сессии не осталось ничего, кроме горстки бумажных обрывков и чувства глубокого унижения.

Алиса стояла посреди цеха, сжимая кулаки, и думала о том, что эти дикари совершенно не ценят современные методы управления.

— Ладно, — сказала она сквозь зубы. — Будем действовать по-другому.

Она вернулась в кабинет, достала блокнот (нашёлся в столе, вместе с чернильницей и пером, от которого у неё начинала ныть рука) и написала заглавными буквами:

«ПЛАН ОПТИМИЗАЦИИ. АНТИ-КОЛХОЗ».

Подзаголовок: «Или как я научу этих гномов работать эффективно».

— Ничего, — прошептала она, глядя в окно на штабеля досок. — Я вас раскручу. Я вас на agile-методологии поставлю. Я из этой лесопилки сделаю стартап, который сожрёт весь рынок.

За окном Семёныч, не обращая внимания на её тирады, уже раздавал мужикам топоры. Лесопилка гудела, вздыхала и жила своей тяжёлой, размеренной жизнью, которой было плевать на анти-колхозы и agile-методологии.

Алиса нахмурилась и переписала подзаголовок:

«Этап 1: Внедрение геймификации и KPI».

«Пусть только попробуют не выполнить», — подумала она, чувствуя, как в груди разгорается азарт.

Глава 2. Феи-бюрократы и субботник

Утро следующего дня Алиса встретила с чётким планом.

Она проснулась в своей комнате — маленькой клетушке при кабинете, где стояла железная кровать, покрытая стёганым одеялом, и тумбочка с кружкой и кувшином воды. За ночь она набросала целую стратегию реформ, разбитую на этапы, с контрольными точками и прогнозируемыми результатами. Если бы кто-то увидел эти записи, то решил бы, что она готовит военную операцию, а не оптимизацию лесопилки.

Первый пункт плана: Геймификация труда.

Алиса знала, что геймификация работает безотказно. Люди любят играть. Любят соревноваться. Любят получать баллы, значки, достижения. Она видела, как в её прошлой компании продажи выросли на тридцать процентов, когда они ввели систему «Самый быстрый оператор месяца» с призом — кружкой с логотипом компании.

Кружки у них не было, но идея оставалась.

— Захарин, — сказала она, войдя в кабинет директора, где он уже сидел за столом и что-то писал своим крюком. — У меня есть предложение.

Он поднял голову. Под глазами у него были тени — видимо, он тоже не спал, но по другой причине. Алиса заметила, что он всё время что-то считает, сверяет, перепроверяет. Цифры, объёмы, сроки. Она, как человек, привыкший к дашбордам и аналитике, оценила это, но сейчас её интересовало другое.

— Слушаю, — сказал Захарин.

— Нужно ввести систему премирования. Лучшие работники по итогам недели получают… ну, например, дополнительный выходной или что-то ценное.

— У нас нет дополнительных выходных, — спокойно ответил Захарин. — Мы и так работаем без выходных.

— Тогда… денежную премию?

— Денег нет.

— Что-нибудь ценное! Продукты, например.

— Продукты у нас общие. Война кончилась, но голод ещё не прошёл. Всё, что мы производим, идёт в общий котёл.

Алиса почувствовала, как её стройная система начинает давать трещину.

— А что у нас есть? — спросила она.

Захарин задумался.

— Опилки, — сказал он. — Доски. Валенки.

— Валенки! — воскликнула Алиса. — Мы можем премировать лучших работников валенками!

— Валенки и так выдаются всем по мере необходимости. Это не роскошь, а средство выживания. Зимой без валенок ноги отморозишь.

Алиса потерла лоб. Ситуация была сложнее, чем она думала.

— Хорошо, — сказала она. — Тогда геймификация без материального вознаграждения. Доска почёта, например.

Захарин посмотрел на неё с интересом.

— Доска почёта у нас есть, — сказал он. — Вон, висит.

Он кивнул на стену, где действительно висела деревянная доска с несколькими портретами. Алиса подошла поближе и рассмотрела их. На одном был изображён суровый старик с медалью на груди, на другом — молодая женщина с косой и валенком в руках, на третьем — тот самый Кузьма, с топором наперевес.

— Кто это? — спросила Алиса.

— Герои, — коротко сказал Захарин. — Те, кто отличился. Старик — Палыч, он во время войны один ущелье держал, пока подмога не пришла. Женщина — Марфа, она сорок раненых из-под Тьмы вытащила. Кузьма — он на себе командира вынес, когда того контузило, и потом ещё три дня в окружении отбивался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.